

Хроники
темных
времен

Брат мой Волк
Сердце Волка
Пожиратель Душ
Изгнанник
Клятва мстителя
Охота на духов

Хроники
темных
времен

Клятва мстителя

МИЩЕЛЬ ПЕЙВЕР

Санкт-Петербург

ОТ АВТОРА

Мир Торака — это мир, который существовал шесть тысяч лет назад, то есть после ледникового периода и до того, как земледелие распространилось на эту часть Северо-Западной Европы, тогда земли Торака были одним сплошным Лесом.

Люди из мира Торака были очень похожи на вас или на меня, но их образ жизни разительно отличался от нашего. У них не было письменности, не было железа и колеса, но они во всем этом и не нуждались. Они превосходно умели выживать. Они знали все о животных, о деревьях, о растениях и камнях в Лесу. Если им что-то требовалось, они знали, где это найти или как это сделать.

Они жили небольшими племенами, многие кочевали, некоторые, как племя Волка, устраивали стоянку, но только на несколько дней, другие не снимались со стоянки целый месяц или целый сезон, как племена Ворона или Ивы, а другие, как племя Тюленя, жили на одном месте круглый год. Поэтому со времени событий «Изгнанника» многие племена поменяли место стоянки, вы увидите эти места на обновленной карте.

Работая над «Клятвопреступником», я познакомилась с древними деревьями, которыми так богаты земли Соединенного Королевства. Я также провела много времени в Беловежском национальном парке в Восточной Польше. Там я видела зубронов (помесь домашнего скота и европейских бизонов), кабанов, тарпанов (род дикой лошади), несколько пораженных молниями деревьев и столько видов дятлов, сколько не видела за всю свою жизнь. В Беловежской пуще, в особенности во время долгих пеших прогулок по строго охраняемой территории, я почерпнула вдохновение, которое помогало мне при описании различных частей Сердца Леса и его обитателей. Там же у меня была возможность изучить две величественные бобровые дамбы и хатки, с них я списала хатку, в которой укрывался во время пожара Торак.

Излишне говорить о том, что я подружилась с волками из Британского общества охраны волков. Наблюдая за тем, как волчата превращаются в молодых волков, и разговаривая с преданными своему делу волонтерами, я постоянно черпала вдохновение и силы.

Хочу поблагодарить всех сотрудников Британского общества охраны волков за то, что позволили мне сблизиться с их великолепными волками. Обществу охраны лесов спасибо за помощь в получении доступа к некоторым древним деревьям, описание которых я использовала в своей работе. Благодарю Деррика Койла, старшего смотрителя воронов лондонского Тауэра, чьи обширные познания и опыт служили постоянным источником моего вдохновения. Доброжелательных сотрудников Беловежского национального парка и Музея национальной истории и лесничества в Беловеже. Гидов из Бюро переводческих услуг и туристическое агентство РТТК, в особенности преподобного Мечислава Пиотровски, главного гида РТТК, который с разрешения главного лесничего района Дружки Беловежского национального парка показал мне бобровые хатки.

Наконец, как всегда, хочу поблагодарить моего агента Питера Кокса за его неиссякаемый энтузиазм и поддержку, невероятно одаренного и одновременно прекрасного редактора и издателя Фиону Кеннеди за ее воображение, а также за ее вклад и понимание.

Мишель Пейвер, 2008

Глава 1

Иногда нет никаких предостережений. Ни одного.

Лодка из шкур летит, как баклан, над волнами, от ударов весла серебристая мойва ныряет в бурые водоросли, и все идет отлично: на Море рябь, солнце светит в глаза, а в спину дует холодный ветер. И тут из воды выныривает камень, большой, больше кита, и ты несешься прямо на него и вот-вот разобьешься...

Торак отклонился вбок и энергично заработал веслом. Лодка накренилась и, чуть не перевернувшись, с шипением проскользнула в одном пальце от скалы.

Вымокший Торак, сплевывая соленую воду, с трудом выровнял лодку.

— Ты как там? — крикнул, обернувшись, Бейл.

Торак почувствовал себя глупо и буркнул в ответ:

— Скалу не заметил.

Бейл улыбнулся:

— На стоянке — парочка новичков, хочешь к ним?

— После тебя! — Торак ударил веслом по воде и забрызгал Бейла. — Давай наперегонки до Утеса!

Парень из племени Тюленя издал боевой клич, и они, вымокшие в холодной воде и возбужденные, бросились вперед. Высоко над головой Торак заметил две черные точки и свистнул. Рип и Рек спикировали и, едва не касаясь воды крыльями, полетели рядом с лодкой. Торак обогнул льдину, и вороны обогнули ее вместе с ним. Гладкие черные перья сверкали на солнце фиолетовыми и зелеными искрами. Вороны обогнали Торака, он ринулся в погоню. Мышцы горели от напряжения, от соли щипало лицо. Торак смеялся во весь голос, это было так здорово, как будто у него тоже выросли крылья.

Бейл, на два лета старше, да еще и лучший гребец, ушел вперед и скрылся в тени мыса, который все называли Утесом. Море, когда они вышли из залива, изменилось, волны набросились на лодку Торака и едва не поставили ее на дыбы.

Торак удержал лодку на плаву, но она к этому моменту уже успела развернуться. Залив Тюленей в солнечный день был таким красивым, что Торак на секунду забыл о гонке. В южном конце виднелась дымка от брызг водопада, над отвесными скалами кружили чайки. На берегу над шалашами племени Тюленя поднимались струйки дыма, подвешенная на длинных шестах соленая треска сверкала на солнце, как будто была вся в инее. Торак сразу заметил Фин-Кединна — его темно-рыжие волосы были как огненный маяк на фоне светловолосых Тюленей. А еще там была Ренн, она показывала стайке малышей, как надо стрелять из лука, а те не сводили с нее восхищенных глаз. Торак улыбнулся. Для Тюленей лук и стрелы были не таким привычным оружием, как гарпуны, которыми они орудовали мастерски, а Ренн была не самой терпеливой наставницей.

Бейл крикнул, напомнив о гонке, Торак развернул лодку и налег на весло.

Только оставив за спиной Утес, они поняли, что жутко проголодались, зашли в небольшую бухту и там развели костер из плавника и водорослей. Прежде чем поесть, Бейл бросил на мелководье кусочек сушеной трески для Матери-Моря и хранителя его племени. Торак — у него хранителя не было — насадил на ветку куста можжевельника кусочек кровяной колбасы как свое подношение Лесу.

Это было немного странно, ведь до Леса надо было три дня плыть на восток, но не сделать этого было бы совсем странно.

Потом Бейл разделил остатки сушеной трески — она была сладкая, жесткая и по вкусу почему-то не похожа на рыбу, — а Торак набрал с валунов пригоршни мидий. Мидии они съели сырыми, разламывая и вычерпывая одной створкой из другой сочное оранжевое мясо. Потом вместе доели лосиную колбасу Торака. Бейл, как и все из его племени, уже не так напрягался из-за смешения привычек людей Леса и людей Моря, отчего жить всем стало только легче.

Так и не наевшись, они решили сварить похлебку. Торак набрал в свой бурдюк воды из ручья и повесил его на палки рядом с костром, а потом кинул в воду раскалившуюся в огне гальку. Бейл для заправки насобирав на отмели красного морского мха и накопал в песке ракушечных червей, а Торак добавил морской капусты, очень уж ему хотелось, чтобы хоть какая-то зелень в похлебке напоминала о Лесе.

Пока похлебка варилась, Торак присел на корточки у костра и протянул к огню онемевшие от холода пальцы. Бейл смастерил ложку — достал из своего мешочка для шитья сухожилие тюленя и привязал створку мидии к черенку от куста водорослей.

— Хорошего улова! — крикнул кто-то со стороны Моря.

Ребята от неожиданности подскочили на месте.

Это был рыбак из племени Баклана, его сеть из шкуры моржа была набита сельдью.

— И тебе хорошего улова! — ответил на общее для Морских племен приветствие Бейл.

Рыбак выгреб на мелководье и присмотрелся к тонким черным татуировкам на щеках у Торака.

— Кто твой друг из Леса? — спросил он, обращаясь к Бейлу. — Это татуировки племени Волка?

Торак открыл было рот, но Бейл его опередил:

— Он — мой сородич, приемный сын Фин-Кединна. Он охотится с Воронами.

— И я не из племени Волка, у меня нет племени, — добавил Торак и взглядом дал понять рыбаку, что ему все равно, что тот об этом думает.

Мужчина протянул руку к перьям племенной птицы на плече.

— Я слышал о тебе. Ты тот, которого изгнали.

Торак непроизвольно потрогал повязку, которая скрывала татуировку изгнанника у него на лбу. Фин-Кединн изменил ее так, что она больше не означала изгнания, но даже вождь племени Ворона не мог стереть его воспоминания.

— Племена приняли его обратно, — сказал Бейл.

— Я слышал. Ладно, хорошего улова, — сказал мужчина, но обращался он к Бейлу, а на Торака только глянул подозрительно, перед тем как уплыть с мелководья.

— Не бери в голову, — сказал, немного помолчав, Бейл.

Торак не ответил.

Бейл бросил ему ложку:

— Держи, ты ж свою на стоянке оставил. И выше нос! Он из Бакланов. Что они понимают?

Торак оскалил зубы в улыбке:

— Да, как и Тюлени.

Бейл бросился на приятеля. Они схватились и со смехом начали кататься по гальке, пока Торак не провел захват локтем за шею и Бейл не попросил о пощаде.

Ели молча, изредка сплевывая по мелочи для Рипа и Рек. Потом Торак лег на бок у костра, а Бейл подкинул в огонь еще немного плавника. Парень из племени Тюленя не заметил, как к нему со спины бочком припрыгал Рип. Воронам очень нравились длинные светлые волосы Бейла, в которые он вплетал нити с бусинами из голубого сланца и тонкие кости мойвы.

Рип ухватил сильным клювом одну из косточек и потянул. Бейл вскрикнул. Рип выпустил косточку и присел, наполовину расправив крылья: ни дать ни взять несправедливо подозреваемый ворон.

Бейл рассмеялся и бросил ему кусок ракушечного червя.

Торак улыбнулся — здорово, что Бейл снова рядом. Он был ему как брат; во всяком случае, Тораку казалось, что братья должны быть именно такими. Их с Бейлом радовали одинаковые вещи, они смеялись над одинаковыми шутками. Но они были разными: Бейлу скоро исполнится семнадцать лет, он найдет себе спутницу и построит собственное укрытие. Тюлени никогда не меняли место стоянки, а значит, Бейл, если не считать походов в Лес для торговли с другими племенами, будет всю жизнь жить на узком берегу залива Тюленей.

Всю жизнь на одном месте. Даже при одной мысли об этом Тораку становилось трудно дышать и возникало ощущение, будто его связали. Но с другой стороны, такая жизнь давала уверенность людям племени Тюленя, она словно расстиралась перед ними, как хорошо выделанная тюленья шкура. Тораку порой хотелось почувствовать, каково это.

Бейл уловил перемену в настроении друга и спросил, скучает ли он по Лесу.

Торак пожал плечами.

— А по Волку?

— Всегда.

Волк ни в какую не соглашался забираться в лодку, поэтому им пришлось плыть без него. Торак по-волчьи пообещал своему брату по стае, что

скоро вернется, но он не был уверен, что Волк его понял.

Мысли о Волке не давали ему покоя.

— Становится поздно, — сказал он. — К сумеркам мы должны быть на Утесе.

Поэтому Торак с Ренн и Фин-Кединном сюда и пришли. В конце зимы на острове снова начались волнения, и они подозревали, что это Пожиратели Душ ищут последний кусок огненного опала, который был спрятан после смерти колдуна племени Тюленя. Всю прошлую половину месяца они по очереди выходили в дозор. Сегодня был черед Бейла с Торакком.

Бейл сосредоточенно оттирал песком бурдюк. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал и только покачал головой и нахмурился.

Это было на него не похоже, обычно он говорил прямо, долго не раздумывал, а тут вдруг засомневался. Торак понял, что разговор предстоит серьезный, поэтому просто вертел между пальцами ветку морской капусты и ждал.

— Когда ты пойдешь обратно в Лес, — не глядя Торак в глаза, начал Бейл, — я собираюсь попросить Ренн остаться. Здесь. Со мной. Я хочу знать, что ты об этом думаешь.

Торак даже не пошевелился.

— Торак?

Он бросил морскую капусту в костер и смотрел, как ее пожирают багровые языки огня. У него было

такое ощущение, как будто он шел себе спокойно и внезапно оказался на краю отвесной скалы.

— Ренн может поступать, как ей хочется, — наконец сказал он.

— Но ты, ты что думаешь?

Торак вскочил на ноги. От злости у него начало покалывать кожу, а сердце неприятно заколотилось в груди. Он сверху вниз посмотрел на Бейла. Бейл был красивым парнем, он был старше, и он был членом племени. Торак понимал, что, если останется, они подерутся и в этот раз все будет по-настоящему.

— Я ухожу, — сказал он.

— Обратно на стоянку? — как можно спокойнее спросил Бейл.

— Нет.

— Тогда куда?

— Просто ухожу.

— А как же дозор?

— Без меня обойдешься.

— Торак. Не надо...

— Я сказал — без меня обойдешься!

— Хорошо, хорошо.

Бейл устоялся на огонь, а Торак развернулся кругом и побежал к своей лодке. Он поплыл к северному побережью, подальше от Залива Тюленей. Злость ушла, остались только холод в душе и путаница в голове. Ему нужен был Волк, но Волк был далеко.

Торак заметил небольшую бухту и пристал к берегу, там затащил лодку вверх по заросшему редкими деревьями пологому склону. Ему надо было вдохнуть запах берез и рябин, пусть даже они были низкорослыми и все пропитаны солью, не то что деревья в Лесу. Торак не мог вернуться в Залив Тюленей, только не в этот вечер, и он решил заночевать в этой бухте.

У Торака не было ни сумки, ни спального мешка, но, став изгнанником, он всегда, куда бы ни шел, носил при себе все необходимое: топор, нож и трутницу. Торак перевернул лодку вверх дном, подпер ее подобранными на берегу палками и обложил по бокам прошлогодними ветками и папоротником, так что она стала похожа на шалаш.

Потом развел костер из плавника и построил из камней стенку, чтобы она направляла жар в его укрытие. Вокруг хватало сухого папоротника и водорослей для подстилки, парка и штаны из оленьей шкуры хорошо сохраняли тепло, а будет холодно — ничего, потерпит.

Ночь была ясная. Месяц Березового Сока подходил к концу, Тюлени называли его Месяцем Прохода Трески. На мелководье билась о камни одинокая льдинка. Рип и Рек устроились на ночлег в развилке березы за костром и спрятали клювы под крыльями.

Торак лежал на подстилке и смотрел на огонь. С тех пор как он стал изгнанником, прошло девять

лун, а он все не мог привыкнуть к тому, что можно ночевать на открытом месте и не прятать от чужих глаз свой костер. Правильно было бы вернуться. Но он не хотел видеть Бейла. Или Фин-Кединна. Или Ренн.

Запахнув плотнее парку, Торак почувствовал, как что-то твердое ткнулось ему в бок. Это была ложка Бейла, наверное, он, перед тем как уйти, заткнул ее за пояс. Торак повертел ложку в руке, она была хорошо сделана — сухожилия намотаны туго, а конец аккуратно заткнут под обмотку.

Торак шумно выдохнул. Утром он вернется и попросит прощения. Бейл его поймет, он всегда был понятливым и никогда не дулся. Спал Торак плохо, во сне он слышал, как ухает сова, и еще Ренн что-то ему говорила, но он не мог разобрать слов.

Где-то после полуночи он проснулся. Это было время, когда луну заглатывал небесный медведь и спокойное Море отражало только мерцающий свет звезд.

Торак больше не мог оставаться в этой бухте, надо было вернуться в Залив Тюленей, забраться на Утес, найти Бейла.

Сонный и так и не отдохнувший, Торак разобрал свое укрытие и залил костер водой. Рип и Рек неохотно расправили крылья и, чтобы продемонстрировать недовольство от такого раннего подъема, взъерошили перья на голове. Но когда Торак

спустил лодку на мелководе и отчалил, он тут же услышал шорох размеренных взмахов их мощных крыльев.

На востоке солнце, как ножом, провело алую черту между Морем и небом, но Залив Тюленей еще был во мраке, а черный силуэт Утеса вырисовывался на фоне звездного неба. Чайки еще не проснулись, и в укрытиях племени Тюленя было тихо. Тишину нарушал только шум водопада, плеск набегавшего на берег Моря и скрип подвешенной на шестах трески.

Торак пристал к берегу в северной оконечности залива. Под ногами хрустели ракушки. Он вдыхал едкий запах костров, в которых и ночью продолжали поддерживать огонь. Подвешенная на шестах треска наблюдала за ним мертвыми просоленными глазами.

Рек отрывисто каркнула — она заметила стервятника, — и оба ворона полетели к камням у подножия Утеса.

Было темно, и Торак не мог разглядеть, что они там нашли, но у него почему-то зашевелились волосы на затылке.

Что бы это ни было, Рип и Рек приближались к нему осторожно — подпрыгивали ближе и тут же отлетали назад.

Торак попытался убедить себя, что это могло быть что угодно, но не вышло — он сорвался с мес-

та и побежал, спотыкаясь о кучи гниющих водорослей. Почуял сладковатый запах, который ни с каким другим не спутаешь. Опустился на колени.

«Нет. Нет».

Наверное, он это не подумал, а прокричал, потому что вороны громко закаркали и отлетели в сторону.

Нет.

Торак на карачках подобрался ближе. Вляпался в какую-то лужу. Пальцы стали красными. Увидел белые осколки костей в серой склизкой жиже. Что-то темное сочилось сквозь длинные светлые волосы со вплетенными бусами из голубого сланца и рыбьими косточками. Торак видел знакомое лицо. Невидящие глаза смотрели в небо.

Иногда нет никаких предостережений. Ни одного.

